

ПАВЕЛ ВАСКЕВИЧ – УЧЕНЫЙ, ДИПЛОМАТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК: К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПЕТР Э. ПОДАЛКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку описания жизни и деятельности первого русского профессионального японоведа, ученого и дипломата П.Ю. Васкевича (1876-1958). Автору уже доводилось обращаться в своих исследованиях к судьбе Васкевича («Известия Восточного института» № 5, ДВГУ, Владивосток, 1999, с. 75-96. Здесь и далее – примечания автора), но по ряду причин многое в судьбе Васкевича осталось тогда нераскрытым. Настало время заполнить эти пробелы, тем более что в распоряжении автора ныне оказались документы исключительной ценности и важности – авторская рукопись «Воспоминаний» самого Васкевича, а также ряд публикаций, сделанных им в русскоязычной прессе 1930-50-х гг., письма, заметки и другие материалы, любезно предоставленные автору сотрудниками Музея Русской культуры в городе Сан-Франциско, где со временем оказался архив Васкевича, окончившего свои дни в Японии в 1958 г. Благодарностью в адрес коллектива Музея и лично его хранителя, г-на Ю.А. Тарала, автору хотелось бы завершить это краткое предисловие и познакомить читателя с человеком редкой, удивительной судьбы, долгая жизнь которого вместила в себя русско-японскую и две мировые войны, почти двадцать лет дипломатической службы, путешествия, научную работу, нелегкие годы эмиграции...

1. ДОРОГА НА ВОСТОК

Павел Васкевич родился 16 декабря 1876 года в селе Белёве Заславского уезда Волынской губернии, в семье сельского священника. Согласно документам, настоящее имя отца Васкевича было «Георгий»,¹ но обиходная взаимозаменяемость имен «Георгий» и «Юрий» (а также «Егор») привела со временем к тому, что люди, знавшие Васкевича, стали все чаще называть его «Павлом Юрьевичем», и это написание будет принято в данной статье. Отец его рано умер, и с юных лет в воспитании Павла большое участие проявила старшая сестра Ольга, по образованию – учительница. Окончив на казенный счет Волынскую духовную семинарию в г. Кременец, Васкевич собирался продолжить образование в Сельско-

---

1 Кондуитный лист студента 2 курса Восточного института Васкевича за 1900 г. РГАДВ. Фонд № 226. Книга № 1. Д. 266. Арх. № 23.

хозяйственном институте, чтобы «строить свою будущую жизнь в единении с природой», ибо чувствовал «с ранних лет влечение к ее прелестям и красотам».² Но узнав о скором открытии во Владивостоке Восточного института («этого детища С.Ю. Витте», как называл его позднее сам Васкевич), он круто изменил свои планы, и решил закончить свое высшее образование там, посвятив себя изучению Японии, до того знакомой ему «лишь по курсу географии, как крошечный строй, брошенный где-то на краю света, но вдруг привлечший к себе внимание всего мира, оказавшись победительницей в войне с седым Китаем».³ Финансовая проблема была решена благодаря участию в его судьбе одного из волынских помещиков, некоего Дурилина, который, узнав о желании Павла ехать учиться во Владивосток, обещал ему предоставить на первый год учебы стипендию в размере 500 рублей. Деньги на дорогу до Владивостока в размере 100 рублей Васкевич получил от сестры, и с тем отправился в Одессу, где рассчитывал сесть на пароход «Саратов», идущий во Владивосток. Билет 3-го класса стоил 120 рублей, но при поддержке агента Добровольного флота Ергомышева, Васкевичу удалось оформиться как переселенцу на Дальний Восток, что вдвое сократило расходы. В пути он не терял времени даром, бесплатно занимаясь английским языком с помощником капитана, и заодно осматривал все имевшиеся достопримечательности в портах, где пароход делал остановки. Одной из последних была стоянка в Нагасаки, где Васкевич, впервые увидев «чарующую природу Японии и ее приветливый народ», понял, что он не ошибся, когда решил заняться изучением этой страны, раньше совсем ему незнакомой.⁴ Вряд ли, однако, он думал в ту пору, оценивая перспективы сделанного им выбора, куда приведут его дороги, начавшиеся в учебных классах, с какими людьми сведет судьба; и уж конечно, едва ли он мог вообразить тогда, что именно Японии суждено будет стать последним пристанищем в его долгой и богатой событиями жизни.

Прибыв во Владивосток за три месяца до открытия института, Васкевич устроился на службу в контору агента КВЖД Дыновского, который назначил ему жалованье выше обычного, как лицу, не имевшему прочих средств к существованию. Здесь следует отметить такие черты характера Васкевича, как его умение ладить с людьми, находить неожиданные, порой парадоксальные выходы из зачастую неблагоприятно складывающихся обстоятельств, практичность и неприхотливость в быту наряду с терпеливостью и упорством в достижении цели. Большинство важных решений принималось им обдуманно, без суеты. В этом убеждают и со-

2 *Васкевич П.* Из прошлого в связи с настоящим. Памяти адмирала С.О. Макарова и к 50-летию Русско-Японской войны. Воспоминания (печат. текст, авторская версия). Museum of Russian Culture (San Francisco), #118-1. С. 3. Далее – Воспоминания.

3 Воспоминания. С. 3, 13. Речь идет здесь о японо-китайской войне 1894-1895 гг.

4 Там же. С. 12.

хранившиеся фотографии, на которых он даже в молодости выглядит не по годам серьезным, и порой кажется гораздо старше своего возраста.

В кондуитной книге Восточного института за 1900 г., Васкевичем записаны о себе следующие сведения: «(...во Владивостоке) Начальник нотариальной службы Уссурийской железной дороги В.И. Лалош, доктор Шур – знакомые, родственников нет. Свидетельство на житель-

Студенты Восточного Института, 1902 г. П. Васкевич - крайний слева, отмечен крестиком.

ство, входной билет и инструкцию получил и исполнять установленные в Восточном Институте правила для студентов обязуюсь. Место жительства: Миссионерская улица, дом Галецкого, кв. Рутковского».⁵ То, что Васкевич не проживал в общежитии, а снимал жилье в городе, позволяет сделать предположение, что к тому времени его материальное положение существенно поправилось.

Перед открывшимся 21 октября 1899 года Восточным институтом стояла задача «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней Государств», для чего, наряду с преподаванием в нем живых языков стран Дальнего Востока, впервые ставилась задача решить проблему нехватки специалистов – знатоков указанных стран.⁶ Первый набор учащихся состоял из 26 студентов, в том числе 4 вольнослушателя (по другим данным, 27 студентов, из них 3 вольнослушателя); принимались без экзаменов молодые люди, окончившие курс средних учебных заведений всех типов и ведомств.⁷ Но далеко не все из поступивших прошли полный курс обучения: отсеб был очень велик, и уже к

5 РГАДВ. Фонд № 226. Книга № 1. Д. 266. Арх. № 23. С. 28.

6 Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 19. СПб., 1902. С. 518; Серов В.М. Становление Восточного Института (1899-1909) // Известия Восточного института. Владивосток, 1994. С. 14-36; Хохлов А.Н. А.М. Позднеев – основатель Восточного Института во Владивостоке // Известия Восточного института. Владивосток, 1994. С. 37-47.

7 ДВГУ. История и современность. 1899-1999. Владивосток, 1999. С. 13, 33; ПСЗРИ. Т. 19. С. 521.

третьему курсу в институте оставалось лишь 15 человек из состава первого набора. Среди них на японском отделении числилось трое (при одном слушателе), на китайском – четверо (при одном слушателе), на монгольском – трое, и на самом многочисленном (!) в то время, корейском – пятеро человек (при двух слушателях).⁸

В то время в России японский язык также преподавался в Петербургском университете (с 1888 г.), но – на факультативной основе; обязательным предметом он стал только в 1908 г. В этих условиях закономерным выглядит тот факт, что в годы русско-японской войны Петербургский университет оказался в итоге не в состоянии направить в армию ни одного переводчика с японского языка (хотя кафедра японской словесности была создана уже в 1898 г.), о чем руководство официально известило генерала А.Н. Куропаткина.⁹ Таким образом, вплоть до появления (в 1903 г.) первых выпускников Восточного института, «японоведами» (или «японистами») в России оказывались на деле лица, окончившие восточный факультет Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, т.е. фактические «китаеведы», как Е.Г. Спальвин или Д.М. Позднеев. Недостаточность полученных ими знаний относительно Японии и ее языка они были вынуждены впоследствии компенсировать усиленным трудом.¹⁰

Иной была ситуация в Восточном институте, где уже после первого курса существовало разделение на самостоятельные китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское и китайско-монгольское отделения (китайский язык играл в институте роль «латыни Дальнего Востока», детальное знакомство с Китаем являлось обязательным условием для всех студентов), и три последующих года шла фактическая специализация по «профилирующей стране» и ее языку, при этом ставились задачи воспитания у студентов способности оценивать страну изучаемого языка с охватом широкого круга проблем: ее экономику, политическую историю, особенности культурного развития. На это студентов нацеливало руководство, и наиболее интересные студенческие работы публиковались в журнале «Известия Восточного института», призванном «сообщать практические сведения о Востоке, которыми в России никто не занимался».¹¹ Общие для всех отделений предметы включали китайский и английский языки (по желанию – также французский язык), богословие; курсы коммерческой и общей географии, этнографии, политической и новейшей ис-

8 *Савада К.* Бакумацу, Мэйдзи-ки но ничироканкэй-си но шомондай ни кансуру дзисшотэки кэнкю [Материалы к исследованию проблем истории японо-российских отношений в период конца эпохи сегуната и начала эпохи Мейдзи]. Университет Сайтама, 1997. С. 149.

9 *Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988. С. 21, 23.

10 *Алпатов.* Указ. соч. С. 30; *Леценко Н.Ф.* (сост.) Российские востоковеды. Страницы памяти. М., 1998. С. 9-10, 14.

11 ДВГУ... С. 20.

тории стран Восточной Азии; государственное устройство России и ведущих стран Европы; международное, гражданское и торговое право, историю торговли Дальнего Востока, политэкономии, счетоводство, товароведение и др. Среди специальных предметов, японоведы изучали обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности Японии. Для совершенствования в изучаемых языках, студенты в период летних каникул направлялись в соответствующие страны, причем если преподаватель должен был посещать изучаемую им страну не реже одного раза в три года, то для студентов возможность проведения самостоятельных исследований «во время каникулярных командировок» была предусмотрена уже после первого курса.¹²

Таким образом, П.Ю. Васкевич и его сокурсник Л.А. Богословский (будущий сотрудник дипломатических миссий России в Корее и Японии) стали первыми в России *профессиональными японоведами*, чье образование с первого и до последнего дня пребывания в институте подчинялось главной задаче – всестороннему изучению прежде всего языка, а также особенностей культуры, истории и экономического развития Японии, ставшей к концу 19 века основной соперницей России на Дальнем Востоке. В год окончания Васкевичем Восточного Института С.Г. Елисеев, Н.А. Невский, Н.И. Конрад еще учились в гимназиях; с некоторыми из них судьба сведет его позднее, в годы службы в посольстве в Токио.

2. ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Летом 1900 года Павел Васкевич вместе с другими студентами отправился в свою первую командировку в Пекин. По дороге к Тяньцзиню были получены известия о том, что путь на Пекин отрезан «боксерами» («боксерское восстание» или «восстание ихэтуаней» в Китае, 1900-1901 гг.); пришлось вернуться в Порт-Артур, где русскими уже активно велись крепостные работы. На обратном пути во Владивосток судно попало в бурю и было выброшено на берег около Нагасаки. Так Васкевич вновь оказался в Японии, где прожил с товарищами около 10 дней в ожидании другого парохода.

После второго курса, студенты японского отделения были командированы в Токио, где они поселились в гостинице неподалеку от Токийского университета. По прибытии студенты посетили российское представительство: там их принял посланник А.П. Извольский (будущий министр иностранных дел России), который поинтересовался программой обучения и вопросами быта, и прощаясь, в деликатной форме заметил, что при миссии имеется церковь для всех русских, проживающих в Токио, чтобы им не терять своей духовной связи с родиной и ее обычаями, добавив при этом: «Я не касаюсь ни ваших религиозных, ни политичес-

---

12 ПСЗРИ, т. 19. С. 518-519; ДВГУ... С. 15, 24.

ких убеждений, но мне было бы желательнее видеть вас в церкви за церковными службами». Такое предупредительное отношение к студентам со стороны официального представителя России побуждало их быть аккуратными посетителями храма, хотя едва ли не основной приманкой являлось обязательное приглашение к завтраку у посланника, следовавшее после церковной службы.¹³

Тогда же состоялось знакомство Васкевича с православным Перво-святителем Японии архиепископом Николаем. Он принял студентов у себя, выразил радость, что наконец в России стал проявляться интерес к Японии, если правительство решило основать Восточный институт, причем сам Николай, как «большой японофил, считал изучение Японии важнее Китая». Узнав, что студенты живут в гостинице в окружении японских студентов, которые оказывают им помощь в занятиях, архиепископ порадовался за них, заметив, что сам он при изучении японского языка «пользовался ежедневно услугами четырех учителей», а у студентов в Токио их значительно большее количество.¹⁴

Летом 1902 года окончивший 3-й курс Павел Васкевич получил от Конференции института задание обследовать в торгово-промышленном отношении район Хокуруки от порта Цуруга до порта Ниигата (оба они были к тому времени связаны с Россией регулярными рейсами Добровольного флота). 6 мая 1902 года он выехал из Владивостока на пароходе «Коцу-мару», и на нем же возвратился назад 19 августа, затратив в общей сложности на все путешествие около трех с половиной месяцев. Надо отметить, что Васкевич, со свойственной ему дотошностью и обстоятельностью, старался посетить все сколько-нибудь интересные места, причем, в отличие от обычных туристов, его интересовали муниципальные органы, биржи, фабрики, торгово-промышленные палаты, банки, губернское управление, отделы морской полиции, налоговая система, ввоз и вывоз товаров, динамика численности населения и многое другое, вплоть до расценок в гостиницах и ресторанах. В своем последующем отчете Конференции института, Васкевич, кроме описания посещенных городов и портов, дал также подробные исторические справки и географические обзоры по всем четырем западным префектурам (Фукуи, Исикава, Тояма, Ниигата), через которые пролегал его маршрут.

Позднее Васкевич писал в отчете о поездке, что он повсюду встречал самое предупредительное отношение и желание помочь в выполнении его задания,¹⁵ и это тем более удивительно, что самому Васкевичу было ясно: японцы принимали его не столько за «командированного для изучения положения округа ближайшего к Приморской области, как по-

13 Воспоминания. С. 15-16.

14 Там же. С. 16.

15 *Васкевич П.* Дневник поездки в Японию от порта Цуруга до порта Ниигата // Известия Восточного института. Т. 8 1902-1903 ак. год. Владивосток, 1903. С. 300.

просту шпиона, маскирующегося в роли исследователя», и при этом не скрывали своей готовности «воевать с Россией, если русское правительство оставит их требования в отношении Кореи, не удовлетворив их».¹⁶ Некоторые инциденты все-таки имели место, и Васкевич был вынужден обратиться к посланнику в Токио с просьбой о поддержке. В итоге японское министерство внутренних дел уведомило местную полицию о маршруте и целях его визита, и тем не менее японская полиция вплоть до выезда Васкевича из Японии не переставала самым назойливым образом следить за каждым его шагом, и лишь заступничество многочисленных знакомых из числа влиятельных японцев уберегло его от возможных неприятностей.¹⁷

Перед возвращением на родину, в один из последних дней в Ниигата, Васкевич был приглашен директором нефтеперегонного завода компании «Такарада сэкию», г-ном Курата Кюдзабуро, на ужин с местными крупными коммерсантами с участием гейш. Интересна его восторженная оценка этих «представительниц красоты и кокетства»: по его мнению, если одна из гейш «могла быть признана идеально красивой даже на взгляд самого строгого ценителя красоты», то другая «могла поспорить с любой французской» – сравнение несколько неожиданное. Так или иначе, но японские гейши произвели сильное впечатление на Васкевича, и он, по собственному признанию, «от них остался положительно в восторге».¹⁸

Результатом этой поездки (которую ректор Восточного института А.М. Позднеев в письме к Г.А. Плансону от 30 апреля 1903 г., назвал «прекрасной»¹⁹ ввиду ее насыщенности, а также собранных материалов) стал отчет, удостоенный золотой медали, который после публикации в «Известиях Восточного института» был также отмечен в российской прессе («Русское Слово», «Новое Время», «Восточный Вестник» и др.), и позднее, уже во время войны вышел во Владивостоке отдельным изданием.²⁰ Однако, как писал позднее сам Васкевич, он был тогда всего лишь «студент, а не высокопоставленная особа», и его работа первоначально не вызвала должного интереса у представителей российской администрации, вследствие чего собранные им сведения не были использованы для подготовки к грядущей войне.²¹

16 Воспоминания. С. 18.

17 *Васкевич*. Дневник поездки... Т. 8. С. 304-305.

18 *Васкевич*. Дневник поездки... Т. 9. С. 302.

19 *Хохлов*. Указ. соч. С. 43. *Плансон Григорий Антонович* – зав. Дипл. службой канцелярии наместника на Дальнем Востоке; и.о. постоянного представителя дипл. службы России в Пекине (1903). Секретарь С.Ю. Витте в Портсмуте (1905). Генеральный консул России в Сеуле (1906-1908).

20 *Васкевич П.* Дневник поездки в Японию от порта Цуруга до порта Ниигата. С приложением таблицы японских мер, алфавитных указателей имен географических, предметных и собственных и 8 карт и планов. Владивосток, 1904.

21 Воспоминания. С. 18.

Невероятно, но судя по имеющимся данным, уже тогда уровень знания Васкевичем японского языка позволял ему не только поддерживать разговоры на бытовые темы, но и читать специальную литературу и статистические материалы, насыщенные особой терминологией, и это при том, что японский письменный язык начала 20 века был чрезвычайно труден даже для самих японцев. При этом в своих публикациях он старался использовать японские термины в исходном «японском» звучании, по возможности избегая при этом склонения этих слов по правилам русской грамматики. По положению, студенты Восточного института уже на втором курсе должны были читать по-японски газеты и журналы, разбираться в скорописи, вести разговор на общебытовые темы, а ко времени окончания 4-го курса владеть иероглификой в объеме до 3000 знаков, переводить военно-политические статьи, составлять деловые бумаги, знать основы частной и официальной переписки.²² Уровень же владения китайским языком позволял Васкевичу при случае вести на нем беседу на равных с изучающими этот язык японцами.²³

Васкевич высоко ценил полученное им образование и всю жизнь тепло относился к своей «альма-матер». Так, в октябре 1919 г., когда праздновалось 20-летие Восточного института, Генеральный консул России в Дайрене П.Ю. Васкевич пожертвовал 5000 рублей в пользу малоимущих студентов, а спустя много лет, работая над «Воспоминаниями», он помянул добрым словом своих педагогов, «столь много потрудившихся», чтобы питомцы института освоили науки и «явились достойными работниками в будущем на пользу своей родины».²⁴

15 мая 1903 года состоялся первый выпуск студентов Восточного института. Васкевич был определен на службу в Амурскую Казенную палату Министерства Финансов с откомандированием его во Владивосток для обследования быта японцев, проживающих на Дальнем Востоке России. Результатом этого первого задания на новом месте стала работа, которая и теперь, спустя почти столетие, является ценнейшим источником для изучения истории Дальнего Востока – «Очерк быта японцев в Приамурском крае».²⁵

Здесь Васкевич впервые в России обращается к проблеме иностранной колонизации Приморья, делая попытку изучить само явление японской диаспоры, и отдельно рассматривая при этом историю вопроса, специализацию поселенцев по отраслям занятости, органы их самоуправления, динамику роста численности японцев в разных населенных пунктах Приморья, и т.п. Для проведения столь значительного исследования требо-

22 ДВГУ... С. 28.

23 *Васкевич П.* Дневник поездки... Т. 8. С. 295.

24 ДВГУ... С. 54; Воспоминания. С. 30-31.

25 *Васкевич П.* Материалы к изучению быта японцев в Приамурском крае // Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1905. № 39. Впоследствии работа неоднократно переиздавалась.

валась не только языковая, но и методологическая подготовка, и большой объем черновой, чисто «бумажной», работы; опрашивание респондентов, тщательное изучение статистических материалов, работа с документами и многое другое. Нельзя не признать, сколь своевременны и необходимы были подобные исследования для молодой российской администрации в новых районах, освоение которых, по сути, толком лишь начиналось; этим и объясняется интерес, который вызвала к себе данная работа сразу после ее опубликования.

П. Васкевич во время Русско-японской войны (крайний справа, отмечен крестиком).

Говоря об «Очерке быта японцев в Приамурском крае», следует обратить особое внимание на дату, проставленную автором на последней странице рукописи – 24 января 1904 года. Этот день поставил точку как в мирном заселении японскими колонистами Дальнего Востока, так и в «гражданском» периоде карьеры Васкевича. В этот день Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, и японский военный флот вышел в Желтое море с боевым заданием – началась русско-японская война, первая война XX века.

3. ВОЙНА И ПЕРЕМНЫ ПО СЛУЖБЕ

С началом войны Васкевич был призван в Штаб Главнокомандующего Российской армией и назначен драгоманом в Дипломатическую канцелярию наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева.²⁶ В Мукдене он в числе прочих чинов Штаба был свидетелем встречи наместника с новым командующим Тихоокеанским флотом вице-адмиралом С.О. Макаровым. Через некоторое время Васкевич получил приказ

26 Алексеев Е.И. (1843-1918) – внебрач. сын императора Александра II; нач-к и команд. войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане (1899), участник подавления «боксерского восстания»; адмирал (1903); наместник на Дальнем Востоке (1903-1905), главноком. всеми вооружен. силами на Дальнем Востоке (до окт. 1904); член Гос. Совета (1905).

Переговоры между генералом Орановским и генерал-майором Я. Фукусима относительно заключения перемирия.

отправиться в распоряжение Макарова; на следующий день, подъезжая к Порт-Артуру, на одной из ближних станций он услышал сокрушительный взрыв: «это был отголосок неприятельской мины, взорвавшей броненосец «Петропавловск», а с ним погиб в пучинах моря и адмирал Макаров, с именем которого было связано столько надежд...».²⁷ Если бы приказ о переводе к Макарову последовал днем раньше – Васкевич погиб бы рядом с адмиралом.

Прибыв в Порт-Артур, Васкевич представился временно заменившему Макарова контр-адмиралу князю Ухтомскому, который приказал ему немедленно вернуться обратно в Мукден. После упразднения наместничества и расформирования Дипломатической канцелярии Васкевича прикомандировали к Генерал-квартирмейстерской части Штаба Главнокомандующего, которым был теперь назначен генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин. Это была их вторая встреча: Куропаткин, в ту пору – военный министр, присутствовал на первом выпуске студентов Восточного института.²⁸ На этой должности Васкевич оставался и после смены Куро-

27 Воспоминания. С. 21-22.

28 Куропаткин Алексей Николаевич (1848-1925) – генерал-от-инфантерии, ген.-аdjутант, военный министр (1898-1904). Команд. Маньчжурской армией (7 февр. - 13 окт. 1904). Главноком. всеми воор. силами на Дальнем Востоке (13 окт. 1904 - 5 мар. 1905). Команд. 1-й Маньчжурской армией (8 мар. 1905). Член Гос. Совета, команд. Северным фронтом (1916), ген.-губ. Туркестана (1916-1917).

паткина генерал-лейтенантом Линевичем, также «старым знакомцем»,²⁹ вплоть до заключения перемирия в войне. Тогда же Линевич возбудил ходатайство перед наместником о привлечении в качестве переводчиков студентов (с жалованьем 155 руб./мес.) и слушателей-офицеров Восточного института.

В отчете Генерал-квартирмейстера, генерал-майора Генштаба В.А. Орановского относительно причин поражения в войне, особо отмечена проблема нехватки профессионально подготовленных переводчиков, кроме студентов и выпускников Восточного Института, которые были «единственные надежные и интеллигентные переводчики».³⁰ Столь высокая оценка не случайна: основным переводчиком на переговорах между генералом Орановским и генерал-майором Фукусима относительно заключения перемирия, проходивших в нейтральной зоне возле Сипингая, был П.Ю. Васкевич. Упоминание его имени вместе с фотографией встречается в изданной спустя 5 лет книге японского участника переговоров Арига Нагао, посвященной проблемам соблюдения международного права в русско-японской войне. В книге Васкевич (видимо, ошибочно) назван в чине подпоручика, или младшего лейтенанта.³¹

Одним из увлечений Васкевича на протяжении всей жизни была фотография: после него осталось множество фотоснимков, ставших теперь важными свидетельствами ушедшей эпохи. Помимо кадров, запечатлевших Васкевича в компании с генералами обеих армий, сохранились его фотографии с сослуживцами, один из которых – также выпускник Восточного института – капитан В.В. Блонский, был организатором подготовки тыла армии по вопросам разведки и работы с агентурой в тылу противника, а в послевоенные годы стажировался в Токио и затем служил в российском консульстве в Мукдене.

После заключения перемирия Васкевич выехал в Петербург, но не по Транссибирской магистрали, а через Японию, США и Европу. Одной из причин выбора такого маршрута было его всегдашнее стремление к путешествиям, желание увидеть как можно больше нового и интересного, дабы «обогатить себя знаниями из разных других областей, чего я не мог себе позволить в Институте, где требовалась исключительно научная работа в

29 Воспоминания. С. 23; ДВГУ... С. 10. Линевич Николай Петрович (1839-1908) – генерал-от-инфантерии, ген.-адъютант. Времен. команд. Маньчжурской армией (до прибытия А.Н. Куропаткина). Команд. 1-й Маньчжурской армией (окт. 1904). С марта 1905 – команд. всеми вооружен. силами на Дальнем Востоке (после сражения под Мукденом сменил Куропаткина). 21 окт. 1899 ген.-майор Линевич присутствовал в числе почетных гостей на открытии Восточного института.

30 Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 197-200.

31 Арига Н. Нитиро рикусэн кокусай хорон [Русско-японская война и международное право]. Токио: Кайкося, 1911. С. 1000-1001, 1039. Фукусима Ясумаса – ген.-майор, шеф II развед. отдела японского Ген. штаба (1905). Орановский Владимир Алоизович – ген.-майор Ген. штаба, ген.-квартирмейстер при Главкоманд. Маньчжурской армии.

области лишь познаний стран Дальнего Востока».³² Стеснения в средствах он не испытывал: находясь всего лишь в чине прапорщика запаса, полученном после отбытия, согласно закону, воинской повинности в течение года, Васкевич как бывший драгоман Канцелярии наместника на Дальнем Востоке получал генеральское жалованье в размере 250 рублей в месяц, которое было ему сохранено; проживал он при этом вместе с прочими чинами Штаба армии в вагоне 1-го класса. При таком жалованье и минимуме расходов он мог позволить себе «допустить некоторую роскошь как вознаграждение за усиленные мои труды по изучению китайской грамоты».³³

Прибыв в Петербург, Васкевич долго ожидал нового назначения. Наконец, оно было получено, но вместо Японии, куда он изначально стремился, Васкевич был назначен в Генеральное консульство России в Сеуле (после войны статус русской миссии в Корее был понижен до уровня генконсульства). Как оказалось, опубликованная незадолго до того в «Известиях Восточного института» статья, где он писал о политике Японии в Корее, сослужила ему «медвежью услугу». Назначение в Корею завершило начатый войной процесс превращения Васкевича из чиновника министерства финансов в карьерного дипломата. В Корее его начальником вновь стал Г.А. Плансон, ныне – генконсул России в Сеуле. Васкевич неоднократно участвовал в переговорах Плансона с Ито Хиробуми (возглавлявшим японскую администрацию в Корее), где он был свидетелем того, как Ито «подчеркивал, что будущее Японии должно строиться на тесном единении и дружбе с Россией».³⁴

П. Васкевич (сидит, справа) на Сахалине. Первый разграничительный пункт.

Из Сеула Васкевич был в качестве члена Разграничительной комиссии командирован на о. Сахалин. Как он отмечал позднее, работы по разграничению прошли гладко, «при самых дружественных отношениях между членами Комиссии» (т.е., японцами и русскими). По окончании работ полковник Осима, глава Комиссии с японской стороны, пригласил российских кол-

32 Воспоминания. С. 32.

33 Там же.

34 Там же. С. 33; *Васкевич П.* К вопросу о современном состоянии Кореи (Заметки) // Известия Восточного института, 1905-1906 акад. год. Т. 15. Вып. 2.

лег в Токио, где они удостоились аудиенции у японского императора. Вспоминая через много лет об этой встрече, Васкевич подчеркивал, что император Мэйдзи говорил с ними по-японски, не прибегая к услугам своего переводчика, что доказывало его «исключительное внимание» к иностранным гостям (судя по контексту, переводчиком в данном случае оказался сам П. Васкевич). Императором было отмечено, что отныне в японо-русских отношениях «должны царить мир и единение».³⁵

После возвращения из Токио Васкевич был назначен управляющим российским консульством в Фузане (ныне Пусан). Здесь при его участии произошел интересный случай, подтверждающий изменение позиции японских правящих кругов в отношении России. Русское правительство накануне войны скупало на имена частных лиц земли по берегам незамерзающего порта Мазампо (ныне – город Масан) на нужды Морского ведомства, имея целью создание здесь военной базы Тихоокеанского флота. По условиям мира, эти земли отходили теперь к Японии, и встал вопрос о праве России на частичную компенсацию в размере 50 тысяч иен, но обращение Васкевича по данному вопросу к японским властям было оставлено без ответа. Спустя несколько месяцев он узнал, что через Фузан проезжал Ито Хиробуми, на встрече с которым Васкевич должен был появиться. Во время беседы Ито, помнивший Васкевича по предыдущим встречам, спросил, не скучно ли ему в Фузане, где в то время не было консульств других держав, и европейское общество ограничивалось лишь французским миссионером-католиком. Когда же Васкевич поднял вопрос о земельных участках, Ито лишь улыбнулся, не стал входить в суть дела и тут же распорядился ускорить решение в благоприятном для России смысле. По его словам, просимая сумма не имела особого значения ни для японской, ни для русской казны, важным было лишь чтобы «все наши отношения проходили без всяких шероховатостей».³⁶

4. Годы в Токио

Вскоре после этой встречи Васкевич получил долгожданное назначение в посольство России в Токио, где он прослужил в течение шести лет (с марта 1911 по июль 1917 года) в должности драгомана, т.е. советника-переводчика при посольстве. Надо отметить, что это не было его первым появлением в посольстве, так как за два года до нового назначения Васкевич уже в течение нескольких месяцев (в 1909 году) работал переводчиком в Токио, временно заменяя штатного драгомана А.К. Вильма.³⁷

35 Воспоминания. С. 36-37.

36 Там же. С. 38.

37 George Lensen, *Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia* (Tokyo: Sophia University, 1968), pp. 52-53.

П. Васкевич - драгоман русского посольства в Токио, около 1910 г.

В Токио обязанности Васкевича зачастую выходили за рамки чисто переводческой деятельности. Сохранилось письмо Н.А. Невского (в ту пору – молодого стажера) на имя Васкевича, с просьбой о предоставлении ему из средств посольства материальной помощи в связи с задержкой выплаты денег из России. Из содержания письма видно, что живя в Токио, Невский неоднократно встречался с Васкевичем, обращался к нему за советами по разным вопросам. В письме Невский упоминает имена Н.И. Конрада и О.О. Розенберга (также стажеров), как хорошо знакомые адресату, и отмечается участие посольства в положительном решении их дел.³⁸ Учитывая, что лишь незадолго до того из Токио уехал в Россию С.Г. Елисеев, с которым Невский был очень дружен, можно заключить,

что Васкевич, работая в Токио, был лично знаком и поддерживал регулярные контакты с главными представителями будущего цвета российского востоковедения на самом раннем этапе их профессионального становления (возможно, он даже курировал их обучение со стороны посольства).

Там же, в посольстве, в числе прочих лиц, состоялись встречи Васкевича с поэтом К.Д. Бальмонтом в бытность того в Японии (именно Васкевич, у которого была летняя дача в г. Камакура, возил туда Бальмонта полюбоваться «Большим Буддой»), с российскими журналистами и писателями (С.В. Яблоновский, В.И. Немирович-Данченко и др.). Была и такая встреча, о которой он затем вспоминал с неприязнью – с протоиереем И.И. Восторговым, председателем Московского отделения «Союза Русского народа». Восторгов, у которого основная цель визита в Японию состояла в привлечении к «Союзу» новых сторонников, не нашел отклика своим идеям среди сотрудников посольства, как и их поддержки антисемитским заявлениям, сделанным им во время оказанного приема. О себе же Васкевич заявил, что для него «несть ни эллина, ни иудея», и евреев, воспитанных на русской культуре, учившихся в русских школах он считает «теми же русскими, так же любящими свою родину и желающими ей не меньше добра, чем другие».³⁹ Подобное отношение делает честь Васкевичу как государственному чиновнику России.

38 Письмо от 21 апреля (4 мая) 1916 г. См.: Сергей Елисеев и мировое японоведение. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 236-237.

39 Воспоминания. С. 45-46.

Большое впечатление на Васкевича произвели похороны императора Мэйдзи, свидетелем которых он был и о чем оставил подробное описание в своих «Воспоминаниях». В частности, им было отмечено, что помимо дипломатического корпуса, в траурной церемонии участвовали члены королевских домов: от Англии – принц Кентский, от Германии – принц Генрих Прусский (брат кайзера Вильгельма), от Испании – принц Бурбонский, и только от России «не был соблюден этот декорум». Подобное неучастие представителей Дома Романовых было истолковано всеми как некий вызов, словно в отместку за поражение в войне. Венок от имени России возлагал посол Н.А. Малевский-Малевич, который «шел в хвосте этой процессии».⁴⁰ Незадолго до того Васкевич присутствовал также на похоронах Архиепископа Николая Японского, которому уделено немало теплых слов в его «Воспоминаниях». Хоронили Николая с особой торжественностью, и на его могилу был прислан венок императором Японии.

К этому периоду относится знакомство Павла Юрьевича с Дмитрием Ивановичем Абрикосовым (1876-1951), новым первым секретарем посольства, прибывшим в Токио в начале 1916 г. (жизнь сведет их снова почти через четверть века: именно Васкевич, живший тогда уже в городе Кобе, в годы Второй мировой войны приютит у себя Абрикосова, которому было опасно оставаться в Токио). В Токио же Васкевич познакомился со многими другими соотечественниками, позднее вновь встреченными им в Китае и в Японии в годы эмиграции. Здесь же он получил вместе с другими коллегами известие о происшедшей в России революции.

П. Васкевич в Дайрене (1920-е гг.)

5. ДАЙРЕН

Первые месяцы после Февральской революции 1917 г. российские дипломатические миссии в странах Восточной Азии продолжали работать в прежнем режиме, чему в немалой степени способствовала финансовая независимость посольств от революционного Петрограда, так как все это время, по соглашению с правительством Китая, через отделения Русско-Китайского банка продолжали поступать суммы денежных компенсаций за ущерб, понесенный в ходе «боксерского восстания», которые

⁴⁰ Там же. С. 48.

Вверху: Здание Российского консульства, построенное в 1921 г. (Дайрен).
Внизу: Васкевич в бытность генконсулом в Дайрене.

китайское правительство выплачивало западным державам. Более того, располагая определенными, весьма значительными, средствами, посольство в Токио в течение некоторого времени даже предпринимало ряд попыток финансировать те или иные акции, направленные против установления Советской власти в Сибири и Приморье.⁴¹

В августе 1917 года, в дни, когда в Петрограде была в самом разгаре борьба за власть «двух К» – премьера А.Ф. Керенского и генерала Л.Г. Корнилова, Васкевич получил через нового посла В.Н. Крупенского, сменившего Малевского-Малевица (1916), назначение консулом в город Дайрен, где он и проработал семь с половиной лет, до официального закрытия консульства в 1925 году в связи с признанием Японией Советского правительства. По собственному признанию Васкевича, с этим назначением настала «самая тяжелая и неприятная полоса» в его жизни: появились первые беженцы из России, они рассчитывали на получение от консульства помощи, которую российский консул мог оказать им далеко не всегда.⁴² Тем не менее, Васкевич стремился по возможности принять участие в судьбе русских эмигрантов, оказавшихся

в Дайрене, для которых он был последней надеждой, как единственный российский представитель, с которым считались местные чиновники.

В Гуверовском архиве Стэнфордского университета (США) сохранилась телеграмма, посланная от имени О.Д. Дурново (руководившего переселением части русских эмигрантов в Канаду), и адресованная им

41 Richard Deacon, *Kempeitai: A History of the Japanese Secret Service*, Berkley Books (NY, 1985), pp. 115-116; George Lensen, *Revelations of a Russian Diplomat* (Seattle: Seattle University, 1964).

42 Воспоминания. С. 52.

русскому финансовому агенту в Нью-Йорке С.А. Угету, с просьбой о предоставлении дополнительных средств для организации выезда беженцев из Дайрена в Кобе, с пометкой Васкевича: «В целях успешности эмиграции ходатайство Дурново прошу удовлетворить. Васкевич».⁴³ Из последующей переписки явствует, что просьба была удовлетворена и деньги получены. Очевидно, таких случаев было в те годы немало.

Возникали и такие проблемы, как, например, необходимость строительства нового здания консульства. Среди беженцев вдруг объявился владелец прежнего здания, в котором размещалось российское консульство, и предъявил бумаги, из которых следовало, что оно не является собственностью Российского правительства, но лишь было арендовано на длительный срок под условием ежегодного возобновления контракта. Теперь владелец желал прервать аренду, и приходилось искать новое помещение. По счастью, еще до революции консульство арендовало у японской администрации земельный участок в центре города, обязуясь платить за него ежегодно сумму в 700 иен. После революции таких средств консульство не имело, но каким-то образом участок оставался незанятым, и Васкевич обратился в муниципалитет с просьбой отсрочить очередные платежи, а также разрешить продать часть участка, чтобы на оставшейся построить новое здание консульства. Переговоры увенчались успехом, при этом японские власти поставили лишь одно условие: чтобы участок был продан не частному лицу, а официальному учреждению. Васкевича это устраивало, так как снимало с него подозрение в возможном наличии спекулятивного интереса к сделке. Покупку совершило Восточно-Колонизационное Общество, осуществлявшее политику Японии по заселению Южной Маньчжурии, причем выплаченная сумма в размере 150 тысяч иен значительно превысила ожидаемый результат. За сто тысяч иен на оставшемся участке было выстроено трехэтажное здание с квартирами и обстановкой для всех служащих консульства, а оставшиеся пятьдесят тысяч иен были положены под процентный рост как капитал на случай ремонта и т.д. Добрые отношения с руководством Колонизационного Общества сохранились у Васкевича на долгие годы, и в дальнейшем он не раз прибегал к его помощи для получения кредитов при проведении торговых сделок.⁴⁴

Однажды в консульство обратился некто Нахабов, выдававший себя за агента казачьего атамана Г.М. Семенова (1890-1946), и требовавший содействия в получении на таможене не принадлежащих ему грузов. Помощи он не получил, но вскоре после этого в консульство поступила официальная бумага за подписью Семенова и начальника его канцелярии генерала Афанасьева о предании Васкевича военно-полевому суду за нео-

43 M.N. Girs Collection. Stanford University, Hoover Institution Archives. Телеграмма от 31 мая 1924 г.

44 Воспоминания. С. 53, 54.

казание содействия их агенту. Бумага была приобщена к архиву, но спустя годы, уже будучи эмигрантом, на свой вопрос Семенову (который снимал в те годы у Васкевича дачу), как мог он окружать себя столь сомнительными личностями, подобными Нахабову, Васкевич услышал в ответ, что тот пожертвовал на борьбу с большевиками сто тысяч рублей и «выявлял себя их ярым противником»,⁴⁵ что, надо полагать, снимало лишние вопросы.

Бал-маскарад в Дайрене, 1920е гг. Первый ряд 3-я справа (сидит) - Ида Васкевич. Верхний ряд 5-й слева (бритая голова) - П.Ю. Васкевич.

После прекращения деятельности дипломатических представительств бывшей Российской империи на территории Японии и подвластных ей районов Китая и Кореи, Васкевич, оказавшись не у дел, купил недалеко от Дайрена, в Инченцзы, участок земли и стал фермером. Будучи от природы фаталистом, он считал, что «жизнь каждого из нас преисполнена случайностей», поэтому перемены в ней не-

избежны, и к этому надо быть постоянно готовым, чтобы неожиданный поворот событий не застал человека врасплох.⁴⁶ Эту готовность к внезапной смене условий Васкевич демонстрировал на протяжении всей своей жизни; возможно, что именно поэтому повседневная рутинная так причудливо переплеталась у него с приключениями, достойными художественного романа. Кроме того, долгие годы жизни на Востоке, в сочетании с особенностями дипломатической службы, приучили его сохранять всегда внешнее спокойствие, скрывая истинные чувства в глубине сердца. Так, он без видимых внешних сожалений расстался с дипломатическим мундиром, и, полностью, как все, что он делал в жизни, отдался новому занятию.

В Инченцзы он развел фруктовый сад, став таким образом «одним из первых садоводов на Квантуне». В ожидании, пока посаженные деревья дадут плоды, Васкевич на акционерных началах с четырьмя компаньонами организовал молочную ферму («о четырех коровах»), к которой по-

45 Там же. С. 60.

46 Там же. С. 56.

зднее добавились разведение кур, коз и свиней, а также – пасека. В управлении сложным хозяйством ему помогала сестра Ольга Юрьевна, та самая, что некогда дала сто рублей на дорогу до Владивостока. Она еще до революции переехала к брату в Маньчжурию и с тех пор жила в его доме. Брат и сестра были всю жизнь очень дружны, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии, а также теплые слова в «Воспоминаниях» в адрес покойной к тому времени Ольги Юрьевны.

В Дайрене Васкевич с партнерами открыл молочный магазин, который быстро стал популярен среди русских эмигрантов. Вот как пишет о нем один из мемуаристов русской эмиграции, И.И. Серебренников, живший в те годы в Китае, в главе о своем переезде в Дайрен: «...мы лишь снимали...комнату, а стол

П. Васкевич с сестрой, О. Васкевич, - в Москве, после Русско-японской войны.

решили иметь свой. Организовать таковой было не трудно: недалеко от нас находился молочный магазин, принадлежавший бывшему русскому консулу в Дайрене, г. Васкевичу, и русская кондитерская и булочная, и мы могли обеспечить себя молоком, мясом и хлебом».⁴⁷

Летом свой дом на молочной ферме Васкевич сдавал дачникам. Среди них был и атаман Семенов, который снимал две комнаты за 200 иен в месяц, и был одним из наиболее неаккуратных плательщиков, косвенно опровергая тем самым слухи о наличии у него больших запасов золота. Любопытно мнение Васкевича о Семенове, которого он считал запасным японским козырем («дипломатический шахматный ход») против большевиков на случай внезапного аннулирования последними итогов Портсмутского договора относительно юга Маньчжурии и Сахалина, причем по Васкевичу, японцы в Семенове «склонны были видеть того же своего

47 *Серебренников И.И.* Мои Воспоминания (рукопись). Т. 3. Среди китайских междоусобиц (1925-1936). Тяньцзинь, 1945. С. 114-115. - Stanford University, Hoover Institution Archives (Collection name: Serebrennikov I.I.) – получено автором от к.и.н. Н.Н. Аблажей, Институт Истории СОРАН, Новосибирск.

рода Хитлера (так!), который сумеет повести массы русского населения против большевиков, но атаман есаул Семенов был далек от капрала Хитлера, чтобы оставить после себя крупный след в истории революции, когда возможны всякие неожиданности».⁴⁸

Жизнь людей в эмиграции, отрыв их от родины и привычного уклада и отсутствие реальных надежд на скорое возвращение, обусловили особую роль православной церкви как некоего объединяющего центра, сплачивающего людей, оказавшихся на чужбине. Эмигранты повсюду стремились к созданию церквей и храмов, насколько позволяли им это материальные возможности и политика местных властей. Не был исключением и Дайрен. В списках православных прихожан, вносивших в приходскую кассу посильные суммы на строительство и последующее обновление храмов, регулярно встречается и имя П.Ю. Васкевича; причем надо отметить, что, судя по некоторым данным, Васкевич являлся одним из самых щедрых жертвователей: в ведомостях против его имени значится иногда 3, иногда 5 иен, тогда как основная масса пожертвований находилась в пределах 50 сен-2 иен.⁴⁹ Больше, чем он, передавали церкви только предприниматель Чурин, и атаман Семенов, состоявший на фактическом содержании у японской администрации в Маньчжурии.

6. Снова – в Японию

Постепенно режим в Маньчжурии начал ужесточаться, и Васкевич стал все чаще подумывать о варианте переселения в какое-нибудь другое, более спокойное и безопасное место. Около 1938 года он продал свою ферму и прочее имущество и переехал в Какахаси (морской курорт близ Дайрена), где он приобрел доходный дом с виноградником и поселился вместе с сестрой. Там же, в Какахаси, вскоре появился и атаман Семенов, чей новый дом «значительно уступал» дому Васкевича (по мнению последнего, это также опровергало версию о наличии у Семенова «царского золота»). Они поддерживали добрососедские отношения и изредка навещали друг друга, что позволило некоторым из окружающих считать Васкевича сотрудником Семенова.

Все это время Васкевич, несмотря на возраст (ему уже перевалило за 60 лет), продолжал мечтать о путешествиях, вспоминая странствия по свету, которыми так полна была его молодость.

Неожиданно, как это часто бывало в его судьбе, подвернулся случай, о каком в другое время нельзя было бы мечтать, сделавший реальным то, что казалось невозможным. Прочитав в газетах о том, что в Кобе готовится спуск на воду пассажирского лайнера, предназначенного для кругос-

---

48 Воспоминания. С. 61, 73.

49 Сэйкё дзихо: 1933-35 гг. – получено автором от г-на Ода Ясухико.

ветных путешествий, Васкевич загорелся идеей отправиться на нем в океанский круиз. Финансовая проблема была им неожиданно быстро решена благодаря встрече с местным представителем пароходного общества, выразившим желание приобрести дом Васкевича в Дайрене. Сделка была совершена за тридцать тысяч иен с приложением билета на судно 1-го класса, стоившего три тысячи иен. Через несколько дней Васкевич уже был в Кобе, откуда началось его трехмесячное путешествие по морю, в ходе которого он посетил Гонолулу, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, ряд городов на побережье Южной Америки и Африки, Таити, о. Цейлон и др. места. Описание этого путешествия было им опубликовано в нескольких номерах газеты «Харбинское время», начиная с 21 января 1940 г., при этом он уделил немало места описанию самого парохода как примера «рекламы для достижений Японии в области судостроения и художественного вкуса».⁵⁰ Среди разных увеселений для пассажиров, на пароходе был музыкальный салон, в котором на протяжении всего круиза желающих развлекала игра японской пианистки Иноуэ, исполнявшей также и русскую классику (Васкевич специально отметил тот факт, что японская пианистка была ученицей русского педагога-эмигрантки О. Тодорович, жившей и работавшей в предвоенные годы в Токио).

В Кобе Васкевич вернулся, преисполненный лучших чувств к японцам, за полученную «возможность получить во время путешествия удовольствие высшего порядка». Своими впечатлениями он поделился с жившей неподалеку от Кобе, в Сузурандае, японской вдовой своего сослуживца по посольству в Токио, бывшего в разные годы русским консулом в Кобе, Фузане и Нагасаки, В.А. Скородумова (1880-1932), с которым у Васкевича были некогда общие финансовые интересы. Ему очень понравилось место, где жили Скородумовы, и он выразил желание приобрести там участок земли. Скородумова оформила купчую, и Васкевич начал готовиться к перееду из Дайрена в Кобе.

Японская семья бывшего консула России в Кобе В.А. Скородумова - вдова и трое дочерей, Ирина, Мария, Екатерина.

⁵⁰ Воспоминания. С. 63, 64. Судьба этого судна оказалась короткой: уже через год он был превращен в военный транспорт и вскоре уничтожен авиацией США.

Существует еще одна версия причины отъезда Васкевича из Дайрена – так называемые «поиски рая на Таити». В своих «Воспоминаниях» он обходит эту историю, но она сохранилась в изложении Д.И. Абрикосова, с которым Васкевич делил впоследствии тяжелые военные годы и который, без сомнения, мог слышать её «из первых рук». В неопубликованной части своих мемуаров Абрикосов излагает события следующим образом.⁵¹

По версии Абрикосова, к путешествию Васкевича подтолкнула мысль о возможности уединения и «обретения тихого рая» на одном из островов Тихого океана, подальше от людей. Здесь следует отметить, что к середине тридцатых годов большинство эмигрантов стали свыкаться с необходимостью примирения со статус-кво, с очевидной невозможностью вернуться в ближайшее время в Россию, и когда в Европе и Азии стало расти ощущение надвигающейся мировой войны, многие начинали думать о попытке найти приют и спасение в далеких, затерянных уголках мира. Как писал об этом в 1932 г. великий князь Александр Михайлович (один из немногих уцелевших Романовых), отражая общую смуту, царившую в умах эмиграции, «далекий остров где-нибудь на Тихом океане был бы самым подходящим местом для человека, жизнь которого была исковеркана колесами истории».⁵² Неизвестно, читал ли Васкевич эти строки, но даже простое совпадение лишь подчеркивает сходство мыслей и чувств, обуревавших в те годы эмигрантов, нашедших себе приют в разных странах и на разных континентах.

Далее, по Абрикосову, Васкевич, поразмыслив, продал свой дом и сад, и, собрав имевшиеся деньги, отправился через Японию навстречу новой жизни. Будучи проездом в Кобе, где он ожидал ближайшее рейсовое судно, следующее до островов Французской Полинезии, Васкевич встретился с жившими там русскими, включая семью В.А. Скородумова (здесь обе версии совпадают), с которыми поделился своими планами жизни «аля Гоген». Знакомые советовали ему остаться в Кобе, где была большая русская колония из числа эмигрантов, многие из которых знали Васкевича по жизни в Дайрене. Окрестности Кобе настолько пленили романтическую натуру Павла Юрьевича, что он до отъезда приобрел здесь участок земли «на всякий случай», рассчитывая при этом если не жить здесь со временем самому, то когда-нибудь выгодно продать его, и продолжил свое путешествие; впрочем, оно завершилось довольно скоро и с весьма неожиданным финалом. «Рай на острове» на поверку оказался больше похожим на адское место, в чем Васкевич сразу же убедился, едва сойдя с корабля на берег острова. В годы действия в США антиалкогольного законодательства, ограничивающего потребление и продажу населению спиртных

51 Dmitrii Abrikossov, *Memoirs (manuscript)*, Columbia University Library Archives.

52 Великий князь Александр Михайлович. Книга Воспоминаний. М., 1991. С. 92. Оригинал издан в Париже в 1932 г.

напитков, Таити превратился в место, куда состоятельные американцы приезжали развлечься среди обилия дешевых французских вин и нетребовательных аборигенок. Как якобы рассказывал впоследствии Абрикосову сам Васкевич, он сразу же понял, что только немедленный отъезд может спасти его от скорого превращения в законченного алкоголика, обремененного к тому же гаремом. На его счастье, на судне, которым он прибыл на остров, случился мятеж, вследствие чего оно задержалось в порту на несколько лишних дней, и после подавления мятежа Васкевич смог уехать обратно в Японию на том же корабле (в противном случае, ему пришлось бы ждать целых три месяца до следующего рейса, что, судя по всему, с позиции сохранения здоровья было бы весьма небезопасно).

(Как видно из рассказа Абрикосова, обе версии истории переселения в Японию совпадают лишь в части морского путешествия. Учитывая, что сам Абрикосов умер, не успев подготовить рукопись своих мемуаров в печать, и не будучи уверен, что приводимый выше фрагмент не был бы изъят при окончательном редактировании, автор данной статьи в такой ситуации склонен больше доверять изложению событий, сделанному самим Васкевичем в его «Воспоминаниях», предназначенных им к опубликованию, как явствует из сохранившихся в его архиве писем и других свидетельств.)

Так или иначе, вернувшись из круиза в Дайрен, Васкевич решил прекратить на этом свои поиски «тихого места», ибо ему очень запала в душу мысль «заканчивать свои годы у подножия этих трех вековых сосен», росших на участке, купленном им в Сузурандае. Ликвидировав имущество в Какахаси, он занялся обустройством земельного участка в Сузурандае (проект дома составлял тот же архитектор, что планировал Васкевичу его доходные дома в Дайрене).⁵³ К моменту, когда дом был готов, старшая сестра Васкевича скончалась, и ему предстояло одиночество. На участке рядом с домом он развел огород, собираясь вновь зажить размеренной сельской жизнью. Будучи человеком весьма своеобразного характера, в натуре которого причудливо сочетались романтичность мыслей и педантичная регламентированность в быту, Васкевич скоро заслужил себе среди русских эмигрантов славу «оригинала», что, впрочем, его не особенно беспокоило. Работа на огороде полностью захватила его, и Васкевич неустанно рекомендовал всем знакомым русским следовать его примеру, уверяя всех в необычайной полезности, в том числе и нравственной, физического труда.⁵⁴

---

53 Воспоминания. С. 67-69.

54 В своих «Воспоминаниях» и переписке Васкевич неоднократно упоминает о некоей опасной болезни, от которой его неверно лечили «светила медицины Токио», но помочь не смогли. Выздоровел он благодаря полной смене режима питания, перейдя к вегетарианской пище, отказавшись от употребления алкоголя, регулярно занимаясь физическим трудом и т.д. Что это была за болезнь, пока установить не удалось.

Став с возрастом убежденным вегетарианцем, Павел Юрьевич, таким образом, посвящал огородным делам все свободное время, и мог без усталости говорить на различные темы, так или иначе связанные с сельским хозяйством. Первое время он жил один, но с началом войны, узнав о неприятностях, возникших у Абрикосова, он пригласил своего коллегу (и одно время начальника) поселиться вместе. Абрикосов с благодарностью принял это предложение, и вскоре, получив специальное разрешение в полиции на переезд, он вместе со своим небольшим имуществом переехал из Токио в Кобе.⁵⁵

7. ЖИЗНЬ В КОБЕ

«Сузурандай» по-японски – «Ландышевое плато», хотя, по саркастическому замечанию Абрикосова, за все время проживания там он ни разу не видел ни одного ландыша (Васкевич, однако, упоминает в своей рукописи о ландышах). Место, где они жили, находилось на расстоянии часа ходьбы от Кобе. Сам же дом являлся предметом жгучей зависти всех знакомых русских эмигрантов, и главным образом – из-за наличия в нем паркетных полов. По словам Абрикосова, среди русской колонии даже пошли разговоры, что теперь они оба должны жениться, и никакие ссылки на возраст и холостяцкие привычки не могли победить точку зрения большинства соседей, что паркетный пол в состоянии пересилить колебания любой невесты.

Двум старикам (обоим тогда уже было под 70 лет), стремящимся обходиться без прислуги, требовалось приложить определенные усилия, чтобы избежать конфликтов, неизбежных при совместном проживании. Васкевич рано овдовел; Абрикосов никогда не был женат. Оба привыкли жить, сообразуясь исключительно со своими личными интересами и вкусами, которые в большинстве своем мало совпадали с интересами и вкусами напарника. Васкевич, будучи большим поклонником физического труда, продолжал неустанно трудиться на своем огороде. Убежденный вегетарианец, в медицине Павел Юрьевич всем средствам предпочитал чеснок, считая его универсальным лекарством от любых недугов, но «неумеренное» потребление чеснока претило англоману и эстету Абрикосову. Абрикосов обожал классическую музыку, в особенности – Бетховена и Баха, умудряясь возить всюду за собой огромную коллекцию пластинок (их он вывез в Кобе из Токио, и позднее забрал с собой в Америку); любовь к классической музыке была одной из немногих объединяющих их черт. Постепенно они выработали компромиссный вариант ежедневного распорядка, который заключался в четком распределении обязанностей каждого. За Васкевичем был оставлен огород и приготовление пищи; Абрикосов же взял на себя уборку в комнатах и во дворе, а

---

55 Воспоминания. С. 70-73; Abrikossow, op. cit.

также «несложные обязанности судомойки», хотя, как отмечает Васкевич, «нешадно бил при этом посуду». Кроме этого, Абрикосов, прежде не склонный к физическим упражнениям, с увлечением предавался заготовлению дров из лишних деревьев на участке. Он же выполнял роль «фуражира», т.е. выстаивал часами в очередях для получения продуктов, распределяемых по карточкам. Все расходы по дому строго делились пополам, так что никто не мог «сепаратно побаловать себя чем-нибудь вопреки желанию другого».⁵⁶

Каждое воскресенье Абрикосов и Васкевич отправлялись в гости «на чай» к проживавшему тогда неподалеку в Ойке купцу Ф.Д. Морозову (1880-1971), которому оба они впоследствии посвятили немало добрых слов в своих мемуарах. Внучка Морозова, Н.В. Тар, ныне живущая в США, так вспоминает об этом времени: «Оба они (Абрикосов и Васкевич – П.П.) всегда были одеты «с иголочки», в фетровых шляпах, при галстуках. Вещи подчас могли быть не новыми, но всегда все очень аккуратно. Ходили они с тросточками, женщин приветствовали, приподнимая шляпу; несмотря на войну, лишения, оба сохраняли учтивые манеры, дамам целовали руку. Абрикосов носил высокие воротнички, казался при этом немного старомодным, Васкевич же предпочитал более современный (т.е., простой) стиль одежды. Он был ниже Абрикосова ростом, и казался старше, хотя они и были ровесники». Из внешности Васкевича Н.В. Тар запомнились ярко-голубые глаза и овальное лицо с узким подбородком, похожее на лицо киноактера Керка Дугласа.⁵⁷

В годы войны положение иностранцев в Японии весьма осложнилось. Это коснулось не только граждан «враждебных стран ABCD» (America-Britain-China-Dutch), но постепенно стало затрагивать даже представителей нейтральных государств, к каковым в качестве «лиц без гражданства» были причислены и русские эмигранты.⁵⁸ Одним из первых ограничений был запрет на свободу передвижения: так, для поездки из Кобе в Осака нужно было получать специальное разрешение в полиции. Все эмигранты должны были регулярно сами являться в полицию для отметки, либо принимать непосредственно у себя дома непрошенных «визитеров». Многие рядовые полицейские, сами люди небогатые, любили под видом несения служебных обязанностей заходить в дома к иностранцам, где они всегда подолгу сидели, пили чай, ели хозяйское угощение и вели бесчисленные, нескончаемые разговоры, оттягивая момент своего ухода. Требовалось особое искусство вести беседу в такой обстановке, чтобы не

56 Воспоминания. С. 70-71.

57 Douglas, Kirk - род. 9 декабря 1918 г., американский киноактер. Сын эмигрантов из России (наст. имя и фамилия - Иссур Данилович Демски). Наиболее известен по фильму «Спартак» (1960 г.).

58 См. *Иванов М.И.* Япония в годы войны (записки очевидца). М., 1978. Также, *Симонов К.М.* Япония-46. М., 1977. См. также: Беседы автора с рус. эмигрантами (неопубл. рукописи).

дать себя спровоцировать на невольную обмолвку, могущую иногда привести в итоге к самым тяжелым последствиям. Обычно, как пишет Абрикосов, эти разговоры брал на себя Васкевич, чье знание языка и японских обычаев было несравненно лучше, чем у его товарища. Неожиданно пригодился и огород – очень часто, чтобы поскорее выпроводить незваного гостя, ему вручались «в подарок» морковь, или пучок лука, и тогда следующие несколько дней проходили спокойно. Хуже было, когда полицейские приходили группами; тут уже одним подарком отделаться было невозможно (а иногда было попросту нечего дать), и тогда Васкевич, искусно уходя от разговоров на политические темы, переводил беседу снова на свой огород, способы ухода за ним, о чем он мог говорить часами.

Но однажды и эта спасительная тема не помогла. Пришедшие с обыском (возможно, по доносу) полицейские обнаружили у Васкевича радиоприемник с диапазоном, пригодным для приема коротких волн, что было строжайше запрещено. Несмотря на то, что радио уже давно не работало на коротких волнах, а сам приемник был сломан, подозрения полицейских возросли, и они начали тщательно обшаривать дом. В ходе обыска они нашли географическую карту, показавшуюся им вдруг чрезвычайно подозрительной, так как на ней Япония была соединена с Германией линией, пересекающей территорию СССР в районе Памира и Средней Азии. Вообразив, что перед ними лежит некий секретный стратегический план, полицейские забрали с собой и карту, и хозяина в отделение для допроса. Васкевич категорически все отрицал. По его словам, в японских газетах, которые он регулярно читал, был опубликован план соединения Токио с Берлином прямой дорогой через Азию после победы в войне, и якобы он, Васкевич, мечтал быть первым путешественником, который мог бы проехать этим маршрутом. Его объяснения мало помогли, и, как писал об этом Абрикосов, «Я никогда не видел своего друга таким испуганным. Уходя, он не думал, что сможет вернуться назад». Продержав арестованного несколько часов в участке, его, наконец, отпустили домой. Стараясь запутать и одновременно запугать старика, на допросах его обвиняли во всех смертных грехах, вплоть до «государственной измены», хотя Васкевич не являлся подданным Японской империи, и, следовательно, этому государству изменить не мог.

Как только немного улеглась тревога, вызванная картой «путешествия через Азию», возникла другая проблема: Япония все чаще подвергалась угрозе воздушных налетов, и всем домовладельцам было предписано подготовить к указанным срокам индивидуальные бомбоубежища. Тут уже невыполнение приказа могло грозить самыми суровыми последствиями. К счастью, Васкевич, который достаточно долго прожил к тому времени на Востоке, и хорошо знал японскую психологию, понимал, что в ситуации, когда никто толком не знал, как должно выглядеть бомбоубежище, важен сам факт исполнения приказа. Ему, по словам Абрикосова, «никогда не испытывавшему недостатка в идеях», пришла мысль и тут использовать

огород. После недолгих раздумий, комиссии, которая пришла для проверки, был продемонстрирован...погреб для хранения навоза, который был тут же одобрен официально как внешне вполне достойное средство защиты от американских авиабомб.

Постепенно война шла к концу, и факт поражения Японии становился все очевиднее. Участились налеты американской авиации, ставшие особенно разрушительными весной 1945 года. Так, однажды, во время бомбежки, рядом с Васкевичем, бывшем в то время на веранде своего дома, раздался щелчок, и на пол упала пуля от крупнокалиберного пулемета, лишь чудом не задевшая хозяина дома. Пулю Павел Юрьевич оставил себе на память.⁵⁹ После нескольких особенно разрушительных налетов, уничтоживших ряд жилых кварталов

П.Ю. Васкевич в Кобе. Один из последних снимков.

Кобе, многие эмигранты остались без домов. Среди этих пострадавших был и старый знакомый Абрикосова Н.И. Бок с супругой, которые во время войны переехали в Кобе из города Такаока. Васкевич, по просьбе товарища, разрешил чете Бок поселиться у себя. Так домик в Сузурандае пополнился еще двумя жильцами, но ненадолго: Л.И. Бок, внезапно заболел, вскоре скончалась, после чего ее муж переселился в Токио, а после войны и вовсе покинул Японию.

После наступления мира Д.И. Абрикосов также начал готовиться к отъезду из страны. Наличие старых связей среди дипломатических кругов западных держав, а также личная помощь, оказанная Джозефом Грю, бывшим до войны послом США в Японии, с которым Абрикосов был хорошо знаком, облегчили ему получение американской визы, и в ноябре 1946 года Васкевич в последний раз обнял своего навсегда уезжавшего товарища. Незадолго до смерти Абрикосов, поселившийся в Пало Альто (Калифорния), прислал Васкевичу письмо, где признавался, что скучает без пилы и топора, которыми привык орудовать в Сузурандае.⁶⁰ Оставшись один, Васкевич прожил в Кобе еще двенадцать лет, по-прежнему ежедневно работая на огороде, и по воскресеньям встречаясь за чашкой чая у так полюбившегося ему семейства Морозовых. Он дарил детям

59 Воспоминания. С. 72.

60 Там же. С. 71-72.

Морозова имевшиеся у него книги по садоводству и русской истории, вспоминал в разговорах о своем участии в русско-японской войне, обсуждал с ними последние политические новости. Позиция Васкевича при этом была неизменно антисоветской, а значит, прояпонской. Так, по словам В.Ф. Морозова (сын Ф.Д. Морозова, 1911-1999), Васкевич отрицательно отнесся к оккупации Советским Союзом Курильских островов, считая эту акцию нелегитимной, нарушающей прежние договоры между Японией и Россией. В последние годы жизни Павел Юрьевич часто нуждался в средствах. На выручку приходил все тот же сосед Морозов, хотя, бывало, его и раздражало «неумение» Васкевича бережливо тратить деньги (как видно, прагматизм и рациональное начало так и не сумели взять окончательный верх в натуре Павла Юрьевича).⁶¹ Вскоре после войны Васкевич узнал о том, что в построенном им здании русского консульства в Дайрене, после занятия города частями Красной армии разместилось управление НКВД, и подвал дома был превращен во временный каземат. Дошло до него также известие об аресте атамана Семенова, и он не мог не порадоваться тому, что сам вовремя покинул Маньчжурию.⁶² Васкевич по-прежнему увлекался фотографией; с возрастом он также начал

Дочь Васкевича, Тамара (родилась в Токио, умерла в Китае в возрасте 17 лет). Снимок сделан в середине 1920х гг.

собирать коллекцию открыток с видами Японии, а также фотографии японских «кинозвезд». В его альбомах сохранились снимки таких известных актеров 1940-50-х гг., как Ямада Исудзу, Хара Сэцуко, Такаминэ Хидэко, Миякэ Кунио, Уэхара Кэн, Сабури Син.

Автор не располагает подробными сведениями о семейной жизни П.Ю. Васкевича. Известно, что он был женат, но рано овдовел. Единственная дочь Тамара умерла очень рано, совсем юной. Повторно он не женил-

⁶¹ Морозов Ф.Д. На память потомству. б.д. б.м.

⁶² Воспоминания. С. 54, 73-74.

ся и до конца своих дней оставался одиноким. В Шанхае у Павла Юрьевича проживала племянница Ида (Еликонида Николаевна Ткаченко-Карамзина, 1904-1988), дочь его брата Николая. После начала Первой мировой войны, Николай Юрьевич Васкевич ушел на фронт, а свою дочь Иду он незадолго до этого отправил с теткой Ольгой Юрьевной Васкевич в Маньчжурию, считавшуюся тогда сравнительно безопасным местом. Спустя несколько лет, уже будучи взрослой, Ида поселилась в Шанхае, где она работала бухгалтером в крупной швейцарской компании. В Китае она вышла замуж за доктора Л. Ткаченко, родила сына Володю, но вскоре овдовела. После войны семья была разлучена, и сын Иды, В. Ткаченко, которому было тогда около 20 лет, оказал-

Ида Васкевич (Карамзина) в Нью-Йорке (США), 1950е гг. Фотография прислана была Васкевичу на Пасху.

ся впоследствии в Советском Союзе. Она же сама некоторое время продолжала жить в Шанхае, но позднее ей удалось вместе с другими русскими эмигрантами выехать на остров Тубабао (Филиппины), где беженцы из числа так называемых «перемещенных лиц» ожидали решения своих судеб от Международного Красного Креста. Пробыв там около двух лет и получив, наконец, разрешение на въезд в США, Ида по пути в Америку заехала в Японию, где она в последний раз виделась в Кобе со своим дядей. Именно она в последние годы жизни Васкевича оказалась его главной кормилицей, оплачивавшей его долги за дом и высылавшей ему ежемесячный «пенсион» в размере 50 долларов.⁶³ Более близких родственников у Васкевича к тому времени не оставалось, и к Иде должно было отойти то небольшое имущество, которое он имел. Основные надеж-

⁶³ Воспоминания. С. 58, 71.

Вдова Меклер, она же - Нагано Симе, помогавшая Васкевичу в последние годы по хозяйству.

ды Васкевич возлагал на продажу своей коллекции картин и других произведений японского и китайского искусства, но покупатели не находились, и коллекция осталась в итоге непроданной. Последние годы жизни Васкевич, которому уже тогда перевалило далеко за семьдесят лет, держал экономку – пожилую японку, вдову его дайренского знакомого швейцарца по фамилии Меклер. Вдова Меклер (японское имя Нагано Симе) проживала в Нагасаки, где имущество ее было уничтожено атомным взрывом. Она обратилась за помощью к Васкевичу, и он ее охотно предоставил, в обмен на помощь по дому. Ей в итоге досталась значительная доля имущества Васкевича после его смерти, так как Ида, жившая и работавшая в то время в Нью-Йорке, не смогла

приехать на похороны дяди. В Америке она вышла повторно замуж и, прожив в Нью-Йорке около 15 лет, переехала в Сан-Франциско. Вторым мужем Иды был Алексей Александрович Карамзин, внучатый племянник «последнего русского летописца» (по выражению историка и писателя Н.Я. Эйдельмана) Николая Михайловича Карамзина, который любезно согласился познакомить автора данной статьи с некоторыми подробностями биографии П.Ю. Васкевича.⁶⁴

Так, по словам А.А. Карамзина, огород, бывший для Васкевича отрадой в течение столь долгих лет, невольно стал косвенным виновником его смерти. Будучи уже в весьма преклонном возрасте (ему шел 82-й год), Васкевич регулярно продолжал обрабатывать грядки, черпая из этого источника основные жизненные силы, как он обычно уверял соседей и знакомых. Однажды, потеряв равновесие, он упал, серьезно при этом поранившись; произошло заражение крови; организм, быть может, отчасти ослабленный вследствие жесткой вегетарианской диеты, не смог побороть болезнь, и в марте 1958 года Павла Юрьевича не стало.

---

64 В довоенные годы семья А.А. Карамзина была среди тех, кто снимал у Васкевича дачу на ферме под Дайреном; т.о., Васкевич помнил Карамзина еще ребенком.

П.Ю. Васкевич завещал себя кремировать после смерти, что вызвало неожиданное противодействие со стороны священника православной церкви в Кобе, отца Михаила (Гордиенко), т.к. это противоречило христианскому обряду. Однако поддержку оказал епископ Ириней, позволив кремировать тело после отпевания, что и было в итоге сделано.хлопоты по устройству похорон взял на себя В.Ф. Морозов. Место для могилы было выбрано им на Иностранном кладбище Кобе, неподалеку от покоящегося там же В.А. Скородумова, других русских эмигрантов.

Автор выражает свою глубокую и искреннюю признательность русским эмигрантам В.Ф. Морозову и О.С. Морозовой, З.И. Сакураги, В.Е. Малининой (все – Япония); Н.В. Тар,

И.В. Барнс, А.А. Карамзину, Ю.А. Тарала (все – США); сотруднику Гавайского университета П. Полански (США); японским ученым Е. Накамура, К. Савада, Т. Сакон, С. Хияма, В. Фудзимото, и всем другим лицам, благодаря помощи которых был собран материал для данной работы.

П.Ю. Васкевич в Кобе. Последние годы жизни.